

Проф. М. Я. Сюзюмов

О НАЕМНОМ ТРУДЕ В ПЕРИОД КОДИФИКАЦИИ РИМСКОГО ПРАВА

В нашей исторической литературе встречаются тенденции представить в упрощенном виде производственные отношения в рабовладельческой формации. Это является результатом стремления подвести под единую схему все различные формы отношений между эксплуататорами и трудящимися в древнем мире¹. С другой стороны, это вызвано вполне понятной попыткой наиболее четко определить специфику экономики античного общества². Однако если основной формой производственных отношений была полная собственность господина над рабом, то из этого не следует, что не было других форм эксплуатации, не основанных на собственности над личностью трудящегося (государственные повинности, сословное неравенство, униженное положение подвластных народностей). Основой рабовладельческого общества было присвоение прибавочного продукта, создаваемого трудящимися, личность которых находилась в полной собственности господина. Но никогда в древнем мире господа не отказывались от эксплуатации свободных людей, на труд которых не имели никаких юридических прав собственности. В первую очередь это относится к использованию наемной рабочей силы. Принцип наемного труда полностью противоречит принципу использования труда рабов. Конкретной основой права на труд раба является акт приобретения личности раба как вещи, тогда как в основе права на труд наемного работника является только акт договоренности юридически взаимно-независимых лиц. «Без наемного труда нет производства прибавочной стоимости, коль скоро индивиды противостоят друг другу как свободные лица»³. Разумеется, Маркс в

¹ См. статью И. В. Ш е р е ш е в с к о г о, Правовое регулирование «наемного труда» в Риме, ВДИ, 1955, № 1.

² Если судить по тому, что в заглавии наемный труд ставится в кавычки, можно думать, что т. Шерешевский вообще отрицает факт существования наемного труда в Риме. Но, по-видимому, т. Шерешевский кавычками хотел показать, что т а к о г о наемного труда, как в капиталистическом обществе, в древнем Риме быть не могло. Разумеется, нетрудно доказать, что наемный труд в античном обществе на походил на наемный труд при капитализме. Но можно ли на этом основании сомневаться в наличии такого института в древности вообще? Ведь и государство в античном мире совершенно не походило на государство нашего времени, но это не дает права сомневаться в его существовании. То, что делает наемный труд институтом *suī generis*, т. е. акт соглашения юридически взаимно-независимых лиц, присущ наемному труду в любом классовом обществе. Можно говорить только о специфике наемного труда и о его количественном распространении, но не ставить под сомнение его существование.

³ К. М а р к с, Производство прибавочной стоимости, Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 63.

данном положении не имел в виду свободу в экономическом значении. Наниматель нуждается в наемном работнике⁴ (но в положении нанимателя в капиталистическом обществе и нанимателя в античном мире имеется отличие: в капиталистическом обществе наниматель не может обойтись без найма, тогда как в античном обществе наниматель может вместо наемного работника купить раба). Но в еще меньшей степени мог быть экономически независим нанимаемый: для свободного человека, не имеющего средств к существованию, не имеющего своей мастерской, единственный выход — продавать свою рабочую силу⁵. Соглашения о найме заключали между собой юридически свободные лица. Понятие «юридическая свобода» в докапиталистических обществах чрезвычайно расплывчато и условно. Однако в отношении найма работника это понятие вполне определено: наниматель не имеет никаких юридически оформленных прав распоряжаться рабочей силой нанимаемого, а нанимающийся работник на законном основании обладает правом распоряжаться своей рабочей силой⁶.

Но могло ли общество, основным производителем в котором являлся раб, выработать юридически оформленные правовые нормы найма рабочей силы? Б. Ф. Поршнев в своем труде «Очерки политической экономики феодализма»⁷ говорит о чрезвычайной трудности в недрах рабовладельческого строя абстрагировать от личности человека такой товар, как его способность к труду. Однако нельзя приписывать античному обществу такое примитивное мышление: как раз римское право дает великолепный образец такого абстрагирования рабочей силы от личности человека; одно дело продавать личность раба — это по римскому праву *emptio-venditio*; другое дело — продавать на время рабочую силу раба — это называлось *locatio operarum servi*.

В обществе, которое делилось на свободных и рабов, состояние юридической свободы ценилось настолько, что при любых обстоятельствах, при самой глубокой нищете и подавленности оно не забывалось. Акт превращения человека в раба (продажа личности) и акт найма (продажи рабочей силы) в римском праве не имели ничего общего.

Римское право — не измышление юристов, оно отражало существующие нормы и взгляды. В противовес Б. Ф. Поршневу можно утверждать, что абстрагирование личности от труда в античном обществе было *естественным и неизбежным*. В докапиталистических формациях классы были в то же время и сословиями, права которых закреплялись законодательством, — любой бедняк, оказавший за плату услугу богачу, не терял своего юридического статуса свободного — отсюда, при наличии твердых сословных перегородок, абстрагирование товара — рабочей силы — от личности должно быть четким, регулируемым законодательством. И. В. Шерешевский в своей статье выступает с другим утверждением: по его мнению, римское право в условиях полного господства рабского труда и чрезвы-

⁴ Если нужно построить дом, то не помогут одно золото и серебро: «нужны мастерство и руки, и к тому же не просто руки, а руки мозолистые, с загрубелыми пальцами и с большой силой», И о а н н З л а т о у с т: М i g n e, Patr. Gr., 61, с. 292, Ep. I ad Corynth., homil., 3, 4, 5.

⁵ «Что для богатых поля, дома и другие источники для дохода, то для бедных — их собственное тело, и весь доход их от собственных рук, а больше ниоткуда!» (И о а н н З л а т о у с т, Полное собрание творений, т. III, стр. 264. Изд. Духовной Академии, СПб., 1899).

⁶ Так, несамостоятельный сын не имел права продавать свою рабочую силу; соглашение о поступлении в наем, как показывают папирусы, заключалось отцом семейства.

⁷ Б. Ф. Поршнев, Очерки политической экономики феодализма, М., 1956, стр. 138.

чайной редкости наемного труда не могло создать юридически оформленные нормы найма рабочей силы, и все положения в римском праве о найме рабочей силы имеют в виду сдачу в наем труда рабов и вольноотпущенников, что слова *locatio-conductio operarum* не относились к труду свободных. Нам кажется, что статья И. В. Шерешевского построена методологически неправильно. Если говорить о «правовом регулировании» наемного труда в Риме, то, конечно, нужно иметь в виду в основном Дигесты. Но Дигесты отражают положение римского общества в период кризиса и разложения рабовладельческого общества: в основном в Дигестах — сентенции Папиниана, Ульпиана, Павла и других юристов III века, юристы же I и первой половины II века занимают ничтожное место в Дигестах. К тому же из всех сентенций разных юристов отобраны были те, которые в IV—V вв. имели особенную популярность в юридической практике, т. е. соответствовали праву, действовавшему в Поздней Римской империи, и окончательно были сформулированы при Юстиниане в VI в. Между тем все конкретные примеры, которые приводятся для толкования текста Дигест, взяты И. В. Шерешевским из сочинений Цицерона, Катона и Варрона, т. е. из хозяйственных условий римской республики, когда еще рабовладельческое общество не вступило в полосу кризиса и разложения. Поэтому, со своей стороны, считаю единственно возможным использовать сочинения авторов не ранее II в. н. э. Начиная со второй половины II в. проявляется кризис рабовладельческого способа производства. Труд раба делается все нерентабельнее, предпринимаются попытки найти более заинтересованного работника. Это период широкого распространения римского гражданства, понятия юридической свободы распоряжаться своим имуществом и своим трудом. Были ли тогда «взаимно юридически независимые люди»? В Римской империи существовала многочисленная юридически свободная нищета. Господствующий класс рабовладельцев, хотя в основном и пользовался трудом рабов, не отказывался от эксплуатации труда свободных лиц. А это могло произойти только в форме наемного труда⁸, т. е. должно было существовать соглашение *locatio-conductio*. Свободный бедняк, нанимающийся на поденную или сезонную работу у знатного землевладельца, — обычный пример таких отношений⁹.

Взаимно-независящими лицами в соглашениях мы должны считать и всех вольноотпущенников в их отношениях с любыми лицами (за исключением своего патрона). Кроме того, взаимно-независящими лицами мы должны считать и раба, получившего право «свободного управления пекулием», с одной стороны, и любое свободное лицо (за исключением его собственного господина) — с другой. Если раб получал право свободного управления пекулием, то он мог без ведома господина заключать любые соглашения со свободными лицами, и закон считал эти соглашения действительными, даже если господин раба был против такого соглашения¹⁰. Раб был рабом только в отношениях к своему господину. Раб на пекулии рассматривался как полноправное лицо в отношениях с другими свободными лицами. Во всех этих случаях всякое использование труда таких лиц предполагает соглашение *locatio-conductio operarum*. По нашему

⁸ Мы исключаем из рассуждения такие отношения, в которых лица уже не могут считаться взаимно-независящими: патроний, колонат в форме адскрипции.

⁹ См. М. В. Левченко, Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V — VI вв., «Византийский сборник», М., 1945, стр. 73, Материалы даны по папирусам II—VI вв.; Germaine R u i l l a r d, La vie rurale dans l'Empire Byzantin, P., 1953. По Иоанну Златоусту, беднота больших городов только в летнее время могла рассчитывать получить работу в садах, виноградниках, в качестве матросов на кораблях (Златоуст, т. III, стр. 264)λ

¹⁰ Dig., XVII, 2, 18.

мнению, И. В. Шерешевский смешивает два различных положения: место рабского труда в античном обществе вообще и место рабского труда в системе наемного труда. Это разные вопросы. Если рабский труд занимал господствующее место в производстве в античном обществе вообще, то из этого вовсе не следует, что рабский труд преобладал в системе наемного труда, системе, которая, хотя и не занимала видного места в хозяйстве рабовладельческого общества, но тем не менее существовала наряду с принудительным трудом. Поэтому мы не можем считать убедительным положение И. В. Шерешевского о том, что римское право не могло иметь в поле зрения соглашение о найме свободного лица лишь только потому, что в основном в то время господствовал подневольный труд раба. И. В. Шерешевский выступает против общепринятого в юридической науке положения о *locatio-conductio operarum* как соглашения о найме свободного работника¹¹.

И. В. Шерешевский уверяет, что данное представление о найме свободного лица является лишь извращением модернизаторов-юристов нашего времени. Нам кажется, что все эти рассуждения натянуты, искусственны и не могут поколебать принятых в науке положений. Чем же аргументирует И. В. Шерешевский свои положения? Во-первых, он указывает на то обстоятельство, что в римском праве не было специального термина найма рабочей силы, что *locatio-conductio* означало и наем вещи, и услуги, и подряд. Нам кажется этот довод неубедительным — ведь часто исторически сложившийся термин получает дифференцированное значение только в связи с дополнением. Слово *locatio* имеет слишком широкое значение. Но *locatio rei*, *locatio operis*, *locatio operarum* — выражает разные, совершенно определенные отношения. Ведь и в современном немецком языке значение слова *Miete* зависит от дополнения: *Sachmiete*, *Werkmiete*, *Dienstmiete*. Можно отметить, что и в русском языке понятие «нанять» зависит от дополнения¹²: нанять дачу (*locatio-conductio rei*), нанять рабочего (*locatio operarum*) и нанять такси, извозчика, чтобы довез до вокзала (*locatio operis*). Поэтому все выводы на основании исторически сложившейся в языке терминологии не могут быть приняты как аргументация.

Другой довод И. В. Шерешевского состоит в том, что римские юристы сближали понятие *locatio-conductio* с *emptio-venditio*. Это, по его мнению, является доказательством непонимания самой сущности акта найма. Но ничего странного в сближении этих понятий мы не видим; ведь и в нашем понимании наем работника есть не что иное, как акт покупки (*emptio-venditio*) рабочей силы. Попытки сблизить эти понятия, по нашему мнению, делают только честь римским юристам.

В качестве аргумента И. В. Шерешевский выдвигает то обстоятельство, что у римских юристов неясно отличие *operis* от *operarum*. Но и у нас, как мы заметили, это отличие неясно: «нанять рабочих, чтобы отштукатурили здание». Действительно, римские юристы понимали эту нечеткость в языке и для точности прибегали к греческой терминологии: *opere locare condicto* юрист Павел переводил: *ἀποτέλεσμα* — *ex opere facto corpus aliquod perfectum*¹³, противопоставляя греческому *ἔργον*, т. е. труд, работа, что соответствует латинскому *opera*. Но это не является аргументом для признания правильности положения И. В. Шерешевского. Это говорит только о специфике наемного труда в римское время: принимали рабочих на стройку определенного здания, крепости, нанимали работника на изготовление или ремонт чего-либо нужного в хозяйстве, моряков на

¹¹ Римское частное право, Изд. Мин. Юст. СССР, М., 1948, стр. 487.

¹² Словарь русского языка. Составил С. И. Ожегов, М., 1952.

¹³ *Dig.*, 50, 16, 5, 1.

плавание, наемных работников на уборку урожая, т. е. на работу не постоянную, а случайную. Наем работника на более постоянную работу назывался в папирусах греческим термином *μισθωσις ἐφ' ὅσον χρόνον βούλει*¹⁴. Работника нанимали на постоянную работу (например, в эргастерии хлебопеком, сторожем; в строительном и горном деле, моряком, в солеварню). Такого работника могли выгнать в случае какой-либо провинности с его стороны (например, прогнать переписчика за проявленную нечестность, как у Иеронима в его переписке с Руфином¹⁵), прогнать работника, получившего увечье во время работы¹⁶. Нужно принять во внимание, что постоянная работа в эргастерии определялась соглашением на месяц, год, после чего работник мог быть свободным и уходить на другую работу. В сельском же хозяйстве подобное соглашение часто приводило к прекарным отношениям и было путем к превращению в зависимое состояние¹⁷.

Не можем мы согласиться и с доводом о том, что термин *merces* указывал на рабское состояние, причем оплата труда лиц свободных профессий называлась не *merces*, а *honorarium salarium*. Конечно, оттенки разные, но и в XX в. в России термин «заработная плата» не применялся к оплате служащих и лиц свободных профессий, — говорилось «жалование» (что точно соответствовало латинскому *beneficium loco*) или «гонорар»: заработок рабочего и в XX в. считался чем-то более низким, чем жалование служащего. К тому же утверждение И. В. Шерешевского, что *merces* не употреблялось в отношении лиц свободных профессий, неправильно: в законе Константина Великого в отношении профессоров и медиков употребляются рядом слова *mercedes* и *salaria*¹⁸. Основное утверждение И. В. Шерешевского: в Дигестах под выражением *locant operas* имеется в виду не свободный труд, но подневольный. Разумеется, когда в Дигестах говорится *operae servorum* или *operae libertorum*, то это — не свободный труд. *Operae* рабов могли сдаваться в наем, но это не *locatio operarum suarum* — это *locatio rei*, потому что раб есть вещь. Труд вольноотпущенников считался несвободным в том случае, когда он относился к их патронам: тогда такие *operae* могли сдаваться в наем. Такие *operae* предусматривались перед освобождением раба (*operae fabriles, officiales*), могли передаваться по завещанию, являлись собственностью патрона и могли стать предметом *locatio-conductio*. Но подобное *locatio* не может называться *locatio operas suas*.

Слова *opera, operae* употребляются в латинском языке в самом широком значении: труд, усилие, притом не только как труд подневольного человека, но и как труд свободного лица, даже, хотя и редко, как труд почетный¹⁹. В Дигестах имеются самые точные указания, что *locatio operarum* относилось именно к лицам свободным²⁰. Когда работник заключает соглашение с двумя работодателями, в случае иска имеет преимущество первый²¹, в данном случае, конечно, лицо, заключавшее соглашение,

¹⁴ Papyri Russisch-Georgisch. Sammlung, II, Tiflis, стр. 231; RE, т. XXII, 2 (1954), стб. 1824.

¹⁵ Творения блаженного Иеронима, ч. 5, Киев, 1910, стр. 88.

¹⁶ «Чудеса св. Артемия», Записки СПб. университета, ист.-фил. фак., 1910, стр. 253.

¹⁷ См. «Byzantinische Zeitschrift», 1956, т. I, стр. 263.

¹⁸ Cod. Just., X, 52 (53) 6 — ann., 321. По Хельдингу и Зиберу («Jhering Jahrbücher für die Dogmatik des bürgerlichen Rechts, Jena, 88 (1940), стр. 198) работа врача проходила полностью в порядке *locatio-conductio*, и только под влиянием философских учений комментаторы стали выделять труд врача из-под акта *locatio*. В Дигестах имеется точное указание, что труд врача проводился как наем (9, 2, 7, 8).

¹⁹ Выражение «in operis societatis» — работать в пользу общества.

²⁰ Dig., VII, 8, 4... licet liberi sint, licet servi alieni.

²¹ Dig., XIX, 2, 26... in operibus duobus simul locatis...

свободно распоряжалось своей рабочей силой. Другой пример: переписчик *operas suas locasset*, но *conductor* умер. Переписчик, который, очевидно, заключил соглашение на год, остался без работы, по этому поводу последовал рескрипт: если переписчик за тот же год не получал платы от какого-либо другого лица, то наследник умершего должен платить за год²². На принудительность труда в данном случае нет ни малейшего намека. Из закона 317 г. совершенно определенно явствует, что обычно на работу за «заработную плату» нанимали только свободных: если беглый раб нанялся за плату — *merces*, выдавая себя за свободного, то наниматель не несет ответственности за укрывательство беглого²³. За *merces* нанимался *ingenuus*.

Мы можем обратить внимание также и на следующее важное обстоятельство: если нанявшийся нанес ущерб нанимателю, то наниматель мог возбуждать *actio locato-conducto* только в том случае, если нанявшийся был человеком свободным. Если же нанявшийся был рабом, получившим право свободного управления пекулием, и если он не мог выполнить соглашение, то нанимателю следовало возбуждать дело перед судом не в порядке *actio locato-conducto*, но как *actio de peculio* или *actio in rem verso*²⁴. Уже одно это обстоятельство может убедить, что, говоря о *locatio operarum*, римский юрист имел в виду только труд свободного. Именно статус свободного, а не раба, лежал в основе соглашения о найме. Совершенно верно, что в законе нигде не говорится, что нанимаемый поденщик обязательно должен быть свободным человеком. Это для нанимателя не имело значения. Важно было, что лица, заключавшие соглашения, были взаимно-независимыми лицами.

Если в лаконичных отрывках высказываний отдельных юристов и может что-либо показаться неясным, то в Кодексе Юстиниана положения о найме свободных лиц не могут вызывать никакого сомнения. В кодексе приводятся законы Зенона, который предписывает нанявшимся на постройку зданий не нарушать правил, причем для подрядчиков *ἐργολάβος* говорится о штрафах, а в отношении простых работников «по причине их бедности» наказание намечается иное — *ὁ ἐργασάμενος τεχνίτης τῆς πόλεως ἐξέλκεθ' ἕσεται...* Разумеется, высылка из города могла относиться только к свободным, а не к отданным в наем рабам²⁵.

И. В. Шерешевский в своей статье называет исследователей, признающих факт существования подлинного наемного труда в римском обществе, модернизаторами. Но модернизация в понятии наемного труда может быть только в том случае, если признавать в Римской империи наличие класса пролетариата, признавать наемный труд основной формой эксплуатации. Признание же наличия в древности наемного труда еще не может являться модернизацией, поскольку в римском обществе не было не только класса промышленного пролетариата, но не было даже сколько-нибудь устойчивой прослойки лиц, жившей продажей своей рабочей силы: наем на работу был явлением временным, хотя и не редким. Нанявшийся ремесленник по истечении срока найма мог вновь стать самостоятельным хозяином; нищий, поступивший на работу, по истечении срока снова становился нищим-люмпеном; раб, самостоятельно, без ведома хозяина нанявшийся на работу, снова выполнял работу раба у хозяина. Труд наемных работников в условиях низкой техники был только дополнением к труду рабов: в латифундиях наемный труд не мог сколько-нибудь

²² Dig., XIX, 2, 18, 9, *Exceptor operas suas locasset...*

²³ Cod. Just., VI, 1,4,3: *si servus ingenuum se esse mentitus...*

²⁴ Dig., XIX, 2, 60,7.

²⁵ Cod. Just., VIII, 10,9.

вытеснить труд рабов²⁶, а в мелких хозяйствах наемный труд не мог развиваться настолько, чтобы освободить хозяина от личного труда, т. е. также являлся дополнением.

Нельзя считать модернизацией признание и того факта, что в наемном труде (в любые периоды классового общества) то основное, что делает его институтом *sui generis*, было всегда неизменным: это единственная форма, дающая возможность эксплуатации независимого от работодателя лица²⁷.

В статье И. В. Шерешевского выдвигается также положение о том, что в рабовладельческом обществе наемный труд вообще не отличался от рабского. Разумеется, к лицам, поступавшим на услужение, в античном обществе относились с пренебрежением. Позорно было даже не столько само занятие, сколько именно факт поступления на работу по найму²⁸. Поскольку основным трудом являлся рабский труд, то всякий труд, добавляемый в хозяйстве путем найма, считался «вместо раба». В Дигестах наемные работники называются *mercenarii*, или образно: *quos loco servorum habemus*. Бесспорно, положение наемного работника было презренно, но и в капиталистическом обществе простой рабочий не пользуется почетом. В рабовладельческом, феодальном или капиталистическом обществе всегда эксплуататор был лицом почтенным, а эксплуатируемый — лицом презираемым. Это то общее, что присуще наемному труду в эксплуататорском обществе.

Несмотря на то, что наемный труд в рабовладельческом обществе не был основным, тем не менее римское право не могло оставить без регулирования отношения между работодателем и работником. Ведь в обществе было много лиц, временно вынужденных продавать свою рабочую силу, и масса лиц, желающих купить этот товар. Источники свидетельствуют о наличии безработных бедняков, которые «стояли на торжище, ожидая, что их позовут на работу»²⁹. Известная притча рассказывает о господине, который выходил на площадь нанимать поденщиков за денарий в день работать в винограднике. Господин спросил к концу дня празднично стоящих на площади: «Почему вы целый день стоите без дела здесь?». Ему ответили: «Потому что никто нас не нанял!»³⁰. В глоссарии Свиды помещено известие о том, что особые глашатаи выкрикивали на площадях о потребности в работниках и о заработной плате. О потребностях в рабочей силе и об ее оплате приводятся данные в сирийской хронике Захарии Ритора³¹. Особенно много безработных было в крупных городах: в Константинополе, в Риме. Иоанн Златоуст призывал к милосердию в отношении тех бедняков, которые нуждаются во всем, но «у которых нет работы, потому что их никто не нанимает, не приглашает в услужение»³². Широчайшая практика найма рабочей силы на работы случайного характера не может

²⁶ Уже в I в. н. э. даже в важнейших для тогдашнего общества горных государственных предприятиях рабский труд не покрывал всех потребностей в рабочей силе. Несмотря на ужасающие условия труда, и в горных разработках наблюдается наем мерценариев (CIL, II, 5181).

²⁷ Мы не принимаем в расчет форм государственного принуждения, различные литургии, государственные повинности. Лица, облеченные властью, действительно могли серьезно эксплуатировать юридически независимых от них лиц. Однако в данном случае эксплуатация производилась в силу полномочий, юридически оформленных государством.

²⁸ Dig., 43, 16, 18—20.

²⁹ Н. В. П и г у л е в с к а я, Месопотамия на рубеже V—VI вв., М.—Л., 1940, стр. 41.

³⁰ κατὰ Ματθ. κεφ. κ', 1—7. Καὶ οὐκ ἔστιν ἄλλος ἔργου (источник первой половины II века).

³¹ Н. В. П и г у л е в с к а я, Сирийские источники по истории народов СССР, М., 1941, стр. 156.

³² И о а н н З л а т о у с т, Сочинения, т. III, стр. 264.

служить предметом сомнения, если говорить об обществе времен кодификации римского права. В Дигестах рассматриваются различные формы заработной платы: упоминается наем на срок (например, на год — Dig., XIX, 2, 19, 9, с оплатой за выполнение работы в целом; за выполнение отдельных частей работы, с оплатой за каждый день работы — Dig., XIX, 2, 38 и 51, 1).

Нам непонятно утверждение И. В. Шерешевского о том, что в поздне-римское время не могло существовать трудового договора. В папирусах сохранилось множество соглашений о найме свободных лиц на всевозможные работы и услуги³³. Агиография ранней Византии дает яркие примеры трудового договора. Приходит лицо к хозяину эргастерия: «Дай мне тримисий, и я один месяц буду тебе работать, где и что прикажешь»³⁴. Перед нами продажа рабочей силы в распоряжение хозяина мастерской. Чем это не трудовой договор?

Разумеется, нельзя к трудовому договору позднеантичного времени подходить с теми же требованиями, которые характерны для капитализма. Но соглашение между бедняком и работодателем в основе своей оставалось общим для классового общества. В поздне-римском обществе, когда еще не развились формы феодального угнетения, поступить в качестве наемного работника для свободного человека, пришедшего в безвыходное положение, являлось единственным способом прокормить себя и семью. Однажды к Василию Великому обратился бедняк с жалобой на свою бедность, что он не знает, как себя прокормить. Характерен ответ Василия: ἔχεις χεῖρας, ἔχεις τέχνην μισθαροῦ διακομῆι — «ты имеешь руки, знаешь ремесло, нанимайся, поступай в услужение!»³⁵. Дигесты гарантировали как работодателю выполнение работы наемным лицом, так и фиксировали право работника на полную оплату по соглашению; в случае несоблюдения нанимателем условий найма можно возбудить *Actio locato, conducto totius tempore mercedem accipere debet*³⁶. В Дигестах нет расценок на заработную плату, но в эдикте Диоклетиана приведено 76 расценок на сдельные работы³⁷ безотносительно к тому, кто является работодателем — свободный ли собственник, управляющий или раб на пекулии, а также независимо от того, является ли наемный работник свободным бедняком или же это нанятый от господина раб.

Совершенно справедливо И. В. Шерешевский указывает на сходство в положении наемного труда и ремесла. Однако это не свидетельствует об отсутствии наемного труда, но только о своеобразии его в позднеантичное время. Своеобразны были экономические основы отношений господства — подчинения в то время. Орудия труда в рабовладельческом обществе были примитивны, они не представляли собой особой ценности.

³³ См. R. Taubenschlag, *The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri*, N. Y., 1944; W. L. Westermann, *The Slave Systems of Grec and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955. Напр. Pap. Oxy., XVI, 1910, 5; 1913, 45, 63, свидетельствуют о найме на работу в крупное хозяйство мастера по изготовлению кирпичей. Из папирусов, хранящихся в музеях СССР, можно привести ряд соглашений о найме в услужение за подневную плату (соглашения о найме кормилиц обычно на два года с выдчей вперед суммы денег и с частичным погашением этой суммы каждый месяц в счет платы; также соглашение о найме истопника в общественную баню — Pap. Ros. Georg., II, § 18, 67—72, 302, 309 сл.). Отмечено большое количество случаев найма свободных работников в горном деле в конце II в. (Dessau, ILS, 6891), так называемые Трансильванские триптихи.

³⁴ H. Gelzer, *H. Leontios von Neapolis, Leben des heiligen Johannes v. Barmherzigen*, Sammlung ausgewählter Kirchen- und dogmengeschichtlichen Quellenschriften, 1893, стр. 8.

³⁵ Migne, *Patr. Gr.*, т. 29, 276.

³⁶ Dig., XIX, 2, 38, 1.

³⁷ *Edictum Diocletiani*, гл. VII.

Собственность на такой дешевый инструмент была доступна каждому. Следовательно, между ремесленником, более или менее состоятельным хозяином самостоятельного мелкого производства и наемным работником не могло быть непроходимой грани. Ремесленник мог наниматься в качестве наемного работника³⁸ и по истечении срока снова обратиться в самостоятельного хозяина. И наемный работник мог при благоприятном положении дел приобрести инструмент и легко обратиться в самостоятельного ремесленника, тем более, что мелкие ремесленники в то время могли работать и на улице, не имея своей мастерской. Наемный труд был временным промыслом. Только в капиталистическом обществе работник, нанимавшийся от времени до времени, превращался в пожизненного рабочего³⁹. В условиях рабовладельческого общества не столько орудия труда, сколько материал, сырье были наиболее дорого стоившими и не доступными для бедняка. Поэтому совершенно понятно, почему при определении понятия *locatio* римские юристы обращали внимание в основном на материал, из которого сделана вещь⁴⁰. Все виды материалов и сырья находились в собственности рабовладельцев-землевладельцев того времени. Поэтому в конечном счете наемный труд был на службе рабовладельческого общества и не являлся чем-то не соответствующим характеру производства того времени, не конкурировал, а дополнял продукцию рабов. Римское право потому и считало наемного работника суррогатом раба — «вместо раба». Естественно, что некоторые особенности состояния раба переносились и на статус наемного работника. Наемный работник на время найма попадал под домашнюю юрисдикцию своего нанимателя: в период действия трудового соглашения хозяйская власть сводилась к власти *pater familias* над *filius familias*⁴¹. Это обстоятельство делало наемного работника зачастую почти бесправным. Отсюда полная возможность обчетов в отношении заработной платы, если она выдавалась после работы, особенно при выплате поденной платы⁴². Однако нельзя считать, что наемный работник, подобно рабу, находился *in potestate* нанимателя. Наемные работники работали *loco servorum*, входили в фамилию, могли жить наравне с прочими членами фамилии, за них отвечал *pater familias*. Из текста Дигест (XXI, 1, 25, 2) следует, что те, которые находились *in potestate*, противопоставлялись тем, которые *bona fide serviunt*, хотя и те и другие подлежали *appellatio familiae*⁴³. Наемный работник не имел права свидетельствовать на суде, как, впрочем, и всякий член фамилии, в том числе и дети. В то же время это ограничение было общим вообще для всех бедняков, имущество которых расценивалось ниже 50 золотых монет⁴⁴. Нельзя полностью ставить наемного работника наравне с прочими членами фамилии: *pater familias* имел право продать из своей фамилии раба, даже сына или дочь⁴⁵, но если бы он продал наемного работника, то подлежал бы ответственности по *lege de plagiaris*, т. е. подвергся бы смертной казни. Также отдавать на наказание и тем снимать с себя ответственность наниматель мог только в отношении своего раба, но не наемного работника. Следует отметить, что вместо патриархального термина *pater fami-*

³⁸ γέρδιοι μίσθοι: Pap. Оху, IV, 1069, 736, 725.

³⁹ Ф. Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, М., 1950, стр. 255.

⁴⁰ Dig., XVIII, 1, 65: Я заказал за плату изготовить столько-то сосудов. Если материал, из которого они изготовляются, твой, то это продажа, если я дал материал, значит, это наем.

⁴¹ Е. М. Ш т а е р м а н, ВДИ, 1950, № 3, стр. 82.

⁴² П и г у л е в с к а я, Месопотамия на рубеже V—VI вв., стр. 41—42.

⁴³ *Familiae appellatione omnes, qui in servitio sunt, continentur, etiam liberi homines, qui ei bona fide serviunt, vel alieni: accipe eos, qui in potestate eius sunt.*

⁴⁴ Dig., XLVIII, 2, 10; *qui minus, quam quinquaginta aureos habent.*

⁴⁵ Закон 329 г., Cod. Just., IV, 43, 2.

lias в папирусах римского периода употребляется более соответствующее положению наименование *κύριος* «хозяин»⁴⁶.

Интересно отметить, что *filius familias* не имел права самостоятельно заключать соглашение без соответствующего разрешения или предоставления права на пекулий со стороны *pater familias*. В Египте соглашение с третьим лицом относительно поступления в качестве наемного работника сына или дочери обычно в уплату задолженности заключал *pater (mater) familias*⁴⁷. Заключая соглашение о найме на работу сына, *pater familias* передавал нанимателю свое право на *castigatio*⁴⁸. Можно думать, что *jus castigandi* входил в рамки прав нанимателя над наемным работником. Разумеется, все те правоограничения, которые действовали в отношении наемного труда, а также представление о временном характере состояния человека в положении наемного работника не могли стимулировать работоспособность и инициативу наемного работника. В византийское время наемного работника — мистия считали самым неинициативным, не заботящимся о своем деле работником⁴⁹.

Мы считаем также необходимым остановиться на вопросе, можно ли вообще считать, что наемный труд в рабовладельческом обществе занимал известное место в производстве материальных благ, реализуемых на рынке. Не лучше ли говорить о наемном труде того времени только как о продаже услуг? Действительно, в конкретных примерах *locatio-conductio operarum* обычно приводятся факты найма работника не для производства товаров, реализуемых на рынке, а для совершения домашних услуг, или для устройства роскошного быта господствующим кругам общества, например постройка дворцов и т. д. Во множестве случаев то же самое мы видим и в папирусах (наем кормилицы, танцовщицы, сторожа и т. д.). Это вполне понятно, так как наемный труд в производстве товаров не занимал ведущего места. Однако нельзя обобщать это положение. Среди документов встречаются определенные данные об использовании наемной рабочей силы для извлечения дохода. Так, постройка *insulas*, доходных домов, кораблей для перевозки товаров являлась предпринимательством, и труд наемных работников создавал широкие возможности для обогащения предпринимателей. В виноградиках, в горном деле наемные работники нанимались также не для совершения бытовых услуг, а для извлечения прибыли из товарного обращения продукта труда свободных наемников. В этом случае наемный труд создавал реализуемую на рынке прибавочную стоимость. Но в отличие от капиталистического общества объекты носили случайный характер и не являлись типичными в общей массе производства позднеантичного времени. Единственная отрасль, в которой наемные работники в наибольшей степени приближались к рабочим капиталистического времени, — это крупное строительство, где иногда были заняты тысячи работников. Третий, четвертый и пятый века были временем усиленного строительства городских стен, укреплений, крупных строений в городах, христианских храмов, и именно на эти стройки стекалось множество свободных бедняков. Вполне понятно, что и наиболее энергичное сопротивление эксплуататорам оказывали именно строительные рабочие.

⁴⁶ R. T a u b e n s c h l a g, Die patria potestas im Rechte der Papyri, «Sav. Ztschr.», 37, Weimar, 1916, № 4.

⁴⁷ М. Х в о с т о в, Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте, Казань, 1914, стр. 189 сл., «парамонэ»; T a u b e n s c h l a g, The Law of Greco-Roman Egypt..., 2 ed., 1955, стр. 271 сл.; W. L. W e s t e r m a n n, The Paramone as General Service Contrat, «The Journ. of juristic Papyrology», т. II, 1948.

⁴⁸ T a u b e n s c h l a g, The Law of Greco-Roman Egypt..., стр. 291.

⁴⁹ А. П. К а ж д а н, Рабы и мистии в Византии, Учен. Зап. Тульск. пединститута, 1951, стр. 83.

Несмотря на то, что наемный труд в период кодификации римского права во многом отличался от наемного труда в капиталистическом обществе, несмотря на его случайный, спорадический характер, на то, что в большинстве случаев наемный труд использовался не на производство товаров, тем не менее в факте найма свободного работника мы можем усмотреть в зародыше все те формы, которые потом в развитом виде стали основой капиталистического производства. Соглашение *locatio-conductio operis, operarium* в основном могло применяться и в капиталистическом обществе: в таком соглашении было все то, что нужно для организации производства на наемном труде: 1) предоставление рабочей силы во временное пользование за определенную соглашением плату; 2) право собственности работодателя на весь продукт, производимый работником (если материал принадлежал работодателю, то право собственности на изготовленную из этого материала продукцию не меняется в зависимости от приложения труда — *Dig.*, XVIII, 1, 65); 3) распорядительная власть работодателя; 4) обеспечение законом выполнения соглашения обеими сторонами. «Заметим мимоходом, что наемный труд, в котором уже скрывается в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен. В одиночной и случайной форме он встречался в течение столетий наряду с рабством. Но этот зародыш не мог развиваться в капиталистический способ производства раньше, чем созрели необходимые для него условия»⁵⁰.

В зародыше были и конфликты, характерные для более позднего времени: борьба за заработную плату, забастовки. Законодательство, включенное в Кодекс Юстиниана, всегда принимало меры для защиты интересов нанимателей: когда вследствие недостатка рабочей силы повысилась заработная плата, последовал строгий указ Юстиниана о недопустимости требовать и платить повышенную заработную плату⁵¹. Закон Зенона отмечает факты, когда работники бросали работу и не разрешали нанимателю принимать других работников: οὐτε αὐτῶν τὸ τέλειον ἐπιτιθέντων, οἷς ἤρξαντο ἐργάζεσθαι, οἷδὲ ἑτέροισι τὰ αὐτὰ ἔργα ἀναπληροῦν συγχωροῦντων. Зенон категорически приказывал эпарху города не допускать подобных явлений и наказывать виновных изгнанием из города⁵².

В период кодификации римского права — на рубеже рабовладельческой и феодальной общественных формаций — рабовладельческие традиции были еще сильны, они накладывали свой отпечаток и на колонат, и на патронат. Наложили они свой отпечаток и на институт наемного труда. В римском праве *locatio-conductio operarium* регулировало именно те отношения между взаимно-независимыми лицами, которые тогда существовали спорадически, но которые получили распространение и дальнейшее развитие в более позднее время как в хозяйстве, так и в праве.

⁵⁰ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1951, стр. 254, прим. 1.

⁵¹ Новелла Юстиниана, 122.

⁵² *Cod. Just.*, VIII, 10,9; IV, 59,1.

